

Прав был драматург Детлеф Зирк, написавший: «Скована молчанием земля наша, не услышать правды в наше время». Люди попросту не желают её знать.

Но почему? Феликс не мог этого понять. Неужели они искренне полагают, что проблемы исчезнут, если притвориться, что их не существует? Сегодня капитан стражи глядел на тело и уже не мог отрицать его существования, хотя этого ему явно хотелось. Он был вынужден доложить об этом деле вышестоящему начальству.

Неожиданный холодок ощутил Феликс, когда узнал, кто именно пришёл забрать труп для расследования. То были люди из ведомства главного судьи фон Гальштадта. Феликс полагал, что это тело мёртвого скавена более никто не увидит.

— Расскажи мне поподробнее о фон Гальштадте, — попросил Феликс. — Где он живёт?

Отто был рад сменить тему разговора.

— Отец был мелким помещиком, его убили в начале семидесятых в одном из крестьянских восстаний. Он учился на жреца Сигмара, но не был посвящён в духовный сан. Намекали на какой-то скандал, что-то вроде подглядывания за монашками. Он знает своё дело. Говорят, что на любого у него есть досье. И его оппоненты таинственным образом пропадают.

Феликс примолк. Кое-что вырисовывалось. Он верил, что начинает понимать происходящее. Нужно провести небольшую проверку. Он займётся этим завтра с утра пораньше.

— Ты говорил, он живёт неподалёку.

— Через две улицы. Возле дворца, на площади Эммануэль.

— Так, так, — Феликс откинулся в кресле и широко зевнул. — Ладно, братец, уже поздно и мне пора. Утром на работу.

— Отлично. Отто позвонил в стоящий рядом с тарелкой небольшой колокольчик. — Я велю Францу принести твой плащ.

* * *

— Я говорил твоим предшественникам, чтобы никогда сюда не приходили, — проговорил фон Гальштадт, уставившись на скавена с едва скрываемым отвращением.

Он терпеть не мог, когда кто-либо, кроме него, входил в помещение с его картотекой.

— Тебя могли видеть слуги.

Крысочеловек спокойно встретился с ним взглядом. Было в нём нечто такое, что заставляло фон Гальштадта нервничать. Была ли это серая с проседью шкура или странные, выглядящие слепыми глаза, но что-то в нём было особенное. Что-то пугающее.

— Я есть не такой как остальные, человечиска. Я есть серый провидец. Лорд-маг на службе Тринадцати. Не из клана, по соглашению с ними. Важно повидать тебя. Со стражами получилось плохо. Многие скавены умерли.

— Но мои слуги ...

— Не беспокойся, глупый человечиска, они спать-храпеть. Простое заклинание.

Фон Гальштадт опустил свою папку. Он положил вместо закладки чистое перо и осторожно её закрыл. Положил руку возле эфеса своего клинка. Прикосновение к нему его немного успокоило. Судья встретил пристальный взгляд скавена и отвёл глаза.

— Я не привык к тому, чтобы меня называли „глупый“. Больше так не делай.

Скавен улыбнулся. Это не успокаивало. На мгновение судья ощутил, что тот может броситься на него и укусить. Рука его осталась на оружии. Почти незаметно кивнув головой, скавен прекратил улыбаться. Он подёрнул хвостом.

— Конечно. Сожжалею. Приношу извинения, да. Скорблю о потере соплеменников. Замена будет стоять много кусков искривляющего камня.

— Извинения приняты.

Фон Гальштадт успокоился. Что-то слабо притягательное было в том, что даже такие чудовищно выглядящие создания, как крысолюди, способны ощущать потерю от гибели своих близких. Однако он обнаружил, что с нетерпением ждёт того дня, когда сделка со скавенами станет не нужна и можно будет их уничтожить. Он поднял папку и вернул её на положенное место в надлежащем шкафу.

— Человечишки опасны для нашего союза. Знают, как ты выглядишь, могут показать-указать на тебя остальным. Мы не можем позволить им угрожать нам или тебе.

— Правильно.

Мысль его беспокоила. У фон Гальштадта было полно врагов, и малейший повод для скандала мог быть использован против него. Он был уверен, что вероломные стражи канализации могут продать эту информацию тому, кто больше заплатит. Он испытывал отвращение от отсутствия у них преданности общему делу человечества. Они заслуживают смерти. Подумать только, а когда-то он испытывал к ним жалость.

— Они должны умереть.

— Да-да, а ты должен показать нам, где их искать.

— Это достаточно ясно. Сегодня я опрашивал их капитана стражи.

Он открыл новый шкаф и достал тонкое досье.

— Вот документы на них.

— Хорошо-хорошо. Скоро они умрут-умрут.

* * *

Вернувшись без приключений в канализацию, серый провидец Танкуоль выругался про себя. Его утомляло общение с болванами, вроде Царкуаля и человечишки фон Гальштадта. Он предпочёл бы вернуться домой, в тёплую нору в Скавенблайте, к своим самкам, с несколькими пойманными человеками, чтобы гонять их по своему лабиринту. Он скучал по прекрасному аромату гниения из болот, и его беспокоили интриги, которые могли возникнуть в его отсутствие. Танкуоль возненавидел идиота Царкуаля, неспособного должным образом выполнить простую задачу убийства пяти человешек.

При воспоминании о чирикающем извинения командующем Танкуолю захотелось в ярости укусить собственный хвост. Во имя Тринадцати, так и есть! Если тебе нужно, чтобы кость была обгрызена правильно, обгрызи её сам. Нет смысла доверять жизненно важные задачи на волю бесполезному командующему.

Однако хозяева прикрепили его к клану Царкуаля, и он связан клятвами своего ордена ускорять и осуществлять их планы. А этот план был грандиозным. Он отзовётся на репутации клана Скаб в Великой Игре, разыгрывающейся в Скавенблайте. Он вполне представлял, что несмотря на свою тупость, фон Гальштадт представляет собой ценного агента в нужном месте. Из всех когда-либо встреченных Танкуолем людей, главный шпион мыслил почти как скавен — честно говоря, как весьма тупой скавен, но тем не менее. Испытывая странную ревность и влечение к самке Эммануэль, тот готов был верить во что угодно, пока это имело к ней отношение, поэтому им было легко манипулировать. Представить себе, что скавены используют городских крыс в роли шпионов — что за глупый человечиска!

Однако фон Гальштадт доказал свою полезность, устраняя тех, кто представлял опасность для долговременных планов Тринадцати, был умелым и эффективным поставщиком искривляющего камня, так необходимого для продолжающихся научных исследований провидцев.

Да-да, мудро было сдержать порыв лишить человечisku жизни. Он был более полезен живым, чем мёртвым, по крайней мере, до наступления Великого Дня, когда человечество снова будет корчиться от боли под когтями скавенов.

Танкуоль легко расшифровал непонятные каракули, называемые людьми „записями“. Он учился этому всю свою жизнь. Изучение людей и их ремёсел было его коньком. Фон Гальштадт заботливо приложил карту, указывающую ближайшие канализационные выходы у жилищ жертв. Этот человечиска всё-таки не полностью некомпетентен. Как удобно. Двое человечисшек обитали в одном легкодоступном месте. Сначала он займётся ими.

— Пошли-пошли, Костодёр. У меня есть для тебя работа на сегодняшнюю ночь, — проскрипел Танкуоль.

Крысоогр ответил из темноты рыком согласия. Он мягко выпустил громадные когти, предвкушая трапезу.

* * *

Хеф пьяной шатающейся походкой спускался по грязной улочке, когда услышал звуки борьбы из хижины, которую он делил с Гильдой и своим братом. Он знал, что зря остался в таверне на ту последнюю пинту с Готреком. Если Большой Джекс и его люди вернулись отомстить, пока его не было, он никогда себе не простит.

Он вытащил нож и сжал в руке, ощутив его холод. Хотел бы он быть трезвее, но это бы не помогло. Он перешёл на быстрый шаг, и практически сразу же споткнулся о кучу гниющего мусора на пути. Ночью, без уличного освещения, Новый Квартал был смертельной ловушкой.

Хеф поднялся и более осторожно двинулся по улочке. Он помнил, что неподалёку открытый канализационный люк, и не хотел туда упасть. Он услышал вскрик Гильды, закончившийся стоном боли, и все помыслы об осторожности пропали. Он побежал, перебравшись через мусор, опрокинув кучу навоза. Хеф знал, что кроме него никто не откликнется на крик о помощи. Такое уж место Дешёвая улица.

Над крышей хижины к небу начало подниматься пламя. Должно быть, в пылу борьбы кто-то опрокинул лампу. Он услышал доносившееся из хижины дикое рычание. Должно быть, Джекс привёл своих приручённых боевых псов, как и грозился. Одним финальным рывком Хеф преодолел открытое пространство перед входом. В дрожащем свете пламени он заметил, что дверь сорвана с петель.

Внутри что-то двигалось. Хеф встретил брата у дверей. Паук попытался заговорить, и открыл рот. Оттуда хлынула кровь. Хеф подхватил его, когда тот рухнул вперёд. Когда его руки сомкнулись на спине брата, он нащупал дыру и большую мягкую массу лёгкого, колышающуюся в ней. Паук простонал и затих.

Это был кошмар. Хеф вернулся домой и застал его в огне. Его брат мёртв. Нет, этого не может быть. Он и Паук не разлучались с тех пор, как научились ходить. Они нанялись на одну и ту же рыбацкую лодку, украли одни и те же деньги, бежали в один и тот же город, жили с одной и той же женщиной. У них была одна общая жизнь. Если Паук теперь мёртв, то...

Хеф застыл в полной неподвижности. Слезы стекали по его лицу, когда из обломков горячей хижины появилась чудовищная тень и нависла над ним. Последнее, что он услышал, был чирикающий звук позади него.

* * *

Феликс проснулся ни свет ни заря. Он прошёл по загрязнённым улицам Нового Квартала, не обращая внимания на облако дыма поднимавшееся над трущобами в районе Дешёвой улицы. «Очередной пожар», — предположил он. Ему повезло, что ветер не раздул пламя в направлении многоквартирного дома фрау Зорин. Если бы это произошло, он мог погибнуть во сне. А прямо сейчас он не мог позволить себе помереть. Ему предстояло кое-что сделать.

Он свернул налево в конце Гнилого Ряда и достиг мощёных улиц Коммерческого Пути. Громыхали экипажи — купцы отправлялись по кофейням перед тем, как начать свой торговый день. Он отыскал Зал Архивов и направился в отделение производственного ведомства, отвечающее за канализацию.

Он полагал, что найдёт здесь то, что ему требуется. Через три четверти часа, после просмотра множества древних, покрытых пылью папок и рисунков, двух угроз и одной взятки, он убедился в своей правоте. Довольный собой, Феликс направился на пост стражи.

Стражи были немедленно определены на подмогу остальным стражникам на погоревшей территории — хоронить умерших, искать в завалах выживших. Они выдвинулись на осмотр трущоб. Пожар пронёсся через множество лачуг, повсюду были обгоревшие и обезображенные мертвецы. Маленький мальчик с чёрным от сажи лицом сидел рядом с пожилой причитающей женщиной.

— Что тут произошло, сынок? — спросил Феликс.

— Это дело рук крысы-демона, — ответил парень. — Я сам его видел. Он прикончил мужчин, которые жили вон там, и утащил их вниз, чтобы сожрать. Ма говорит, что если не буду слушаться, в следующий раз он придёт за мной.

Феликс обменялся взглядом с Готреком. В единственном глазу Истребителя Троллей был замечен необычайный интерес.

— Крыс-демонов не существует, пацан. Лучше не ври нам — мы тут со стражниками.

— И всё же существуют. Я видел его своими глазами. Он повыше тебя и посильнее того здорового одноглазого гнома. Его привёл небольшой крысочеловек с серой кожей и рогами на голове.

— Кто-нибудь ещё его видел?

— Не знаю. Я прятался. Думал, они могут прихватить и меня тоже.

Феликс покачал головой и пошёл проверить обломки хижины Хефа и Паука. От жалкого строения мало что осталось, кроме обгоревших обломков и обугленного трупа женщины.

— Ни следа Хефа или Паука?

Готрек покачал головой и указал ногой на что-то серое и острое, лежащее среди пепла.

— Вот нож Хефа.

Феликс наклонился и подобрал его. Лежавший на тлеющих углях металл был всё ещё тёплым. Феликс посмотрел на труп. Запах жареного мяса пощекотал его ноздри.

— Гильда? — произнёс Феликс.

Феликс покачал головой. Его наполнили печаль и ярость. Ему нравились братья. Они были славными ребятами. И теперь он хотел отомстить.

* * *

— Когда-то ты был инженером, Готрек. Расскажи мне, что это означает.

Феликс проигнорировал недоверчивый взгляд Истребителя Троллей. Он очистил место на столе в комнате стражи и разложил чертежи. Руди с удивлением наблюдал, как Феликс разгладил поверхность старого потрескавшегося пергамента и придавил каждый его угол пустой чайной кружкой.

Истребитель снова обратил внимание на бумаги.

— Это чертежи канализационных коллекторов, человеческий отпрыск. Выполненные гномами планы Старого Квартала.

— Правильно. Они изображают местность под особняком главного судьи. Если ты посмотришь внимательнее, то обнаружишь, что это недалеко от места гибели Ганта. И я готов поставить на то, что если поищем, то найдем путь из канализационного коллектора в его дом.

Руди неодобрительно повёл бровями.

— Ты предлагаешь проникнуть в дом Фрица фон Гальштадта! Да нас повесят, если поймают. Мы можем даже без работы остаться!

— Какая жалость. Что скажешь, Руди, ты в доле?

— Ну, я не знаю...

— Готрек?

— Да, человеческий отпрыск, но с одним условием.

— Каким?

— Если фон Гальштадт и есть тот самый поклоняющийся Хаосу скавенолюб-снотлингофил, которого мы видели в канализации, то мы его завалим.

В помещении повисла тишина, вызванная шоком, когда до их мозгов дошёл смысл слов Истребителя Троллей. Феликс почувствовал сухость во рту. Гном подразумевал обычное банальное убийство.

«Нет, — решил он, вспомнив Ганта и мертвецов в Новом Квартале, — это правосудие, а не убийство. Он согласен на это».

— Отлично.

— Назад пути не будет. Руди?

Лысоголовый мужик выглядел потрясённым. Его лицо побледнело, и в глазах отражался страх.

— Ты понятия не имеешь, что предлагаешь.

— Так ты с нами или как?

Руди помолчал несколько секунд.

— Да, — сказал он наконец. — Я пойду. Но я надеюсь, что вы ошибаетесь.

— Вряд ли, — сказал Феликс.

— Вот это меня и пугает.

* * *

Канализационные коллекторы никогда не казались Феликсу столь угрожающими. Тени плясали в свете фонаря. Всякий раз, слыша позади себя тяжёлую поступь Руди, он подавлял побуждение оглянуться. Звук от постоянного простукивания гномом стен лезвием своего топорика заставлял его нервничать. Феликс понимал, что Готрек делает это лишь для того, чтобы обнаружить пустоты, но легче от этого не становилось.

Чего-то не хватало. Теперь он это понимал. Что-то убило Хефа и Паука вместе с их девушкой, и скорее всего прикончит остальных, если они позволят этому произойти. И это „непонятно что“ ужасало. „Непонятно что“ охотится на них. И неизвестно почему. Неизвестно, как много скавенов может появиться и какая у них поддержка. Братья были грозными бойцами, и они мертвы.

Но что ещё хуже, с ними погибла половина обитателей трущоб Дешёвой улицы. Какие бы тёмные силы их не отыскиали, они ни испытывали колебаний уничтожить множество народа, чтобы добраться до тех, кто нужен. Феликс не понимал, почему до сих пор просто не покинул этот город-государство.

Он мог бы сейчас быть в дороге, а не ковылять в этой тёмной вонючей дыре. Какого чёрта он влез в то, что его лично не касалось?

Феликс знал ответ. Где-то, в чём-то он должен занять жёсткую позицию. Иначе, чем он лучше своего брата Отто и других, вроде него, делающих вид, что не знают о происходящем; заключающих сделки с Тёмными Силами, чтобы те их не трогали; притворяющихся, что всё в мире идёт своим чередом, зная, что это не так.

Знание о том, что происходит нечто нехорошее, вынуждало его действовать даже в том случае, если единственной причиной было сохранение собственного достоинства и чувство превосходства над теми, кого он презирал. И уж если это давало возможность приравнять себя к героям прочитанных в детстве книжек, то вообще здорово.

Помыслы о своих побуждениях занимали его мысли и давали возможность забыть о страхе. Он заставил себя сконцентрироваться на том, что ему известно. Единственно стоящей нитью было знание того, что глава тайной полиции города состоит в союзе со скавенами. Это он видел своими глазами. Он понятия не имел о причинах, но факт сговора был налицо. И это следовало прекратить.

— Заканчивай мечтать, человеческий отпрыск. Мы тут внизу уже несколько часов и до сих пор не нашли твоего секретного прохода. Наверху скоро уже стемнеет, а мы ходим без толку.

Феликс вернулся мыслями к обследованию стен. И снова возобновилось простукивание Готреком кирпичных стен лезвием топора.

* * *

Танкуоль оглядывал затемнённую комнату. Здесь, на поверхности, над землёй, он не ощущал себя в безопасности. Он посмотрел в единственное окно и перевёл взгляд на соломенный тюфяк. Костодёр, согнувшись, стоял у дверного проёма, изогнув свои огромные когти.

Уже пару часов стояли они здесь в темноте, но жертва всё не показывалась. От досады он щёлкал хвостом. И где носит этого глупого человечишку? Почему не дома, в постели, где ему полагается быть? Все они одинаковы, тратят время на пьянство и дебоширство. Они заслуживают того, чтобы их сменила раса Хозяев. Он поклялся, что конкретно этот человечишка заплатит за потраченное серым провидцем драгоценное время.

Танкуоль не мог больше ждать. Ему нужно встретиться с фон Гальштадтом и проверить приготовления, сделанные для бала, который дает графиня. Через какое-то время можно будет сообщить фон Гальштадту, что гость Эммануэль, сводный брат Императора, тайный мутант и, что ещё хуже, последний любовник графини.

Тот факт, что к истине эти события не имеют никакого отношения, несущественен. Существенным было то, что когда фон Гальштадт похитит князя и подвергнет пыткам, молва об этом распространится. Между Нульным и остальными частями Империи будет война. Император не потерпит оскорбления, если его сводного брата замучает тайная полиция курфюрста. Конфликт перерастёт в гражданскую войну. Величайшее королевство людей будет свергнуто в анархию. Мощь скавенов возрастет.

Эта мысль настолько впечатлила Танкуоля, что он принял понюшку порошка искривляющего камня, чтобы успокоить нервы. Наркотическое средство достигло мозга и наполнило его видениями пыток, кровопролития и агонии.

Приближающиеся звуки шагов на лестнице прервали его мечтания. Он кивнул Костодёру. В дверь осторожно постучали.

— Господин Ягер, это я, фрау Зорин. Пора платить за аренду!

Прежде чем Танкуоль отменил приказ, Костодёр распахнул дверь и втащил старуху внутрь.

— Господин Ягер, что вы себе позволяете!

То были последние слова фрау Зорин перед тем, как Костодёр разорвал ей горло.

«Ладно, хоть крысоогра часа три не придётся кормить», — подумал серый провидец. Он подождал, пока Костодёр закончит трапезу.

— Идём-идём, у нас есть дела кое-где ещё, — сказал он Костодёру. И они отправились в канализацию, на встречу с фон Гальштадтом.

* * *

— Вот оно, человеческий отпрыск! — воскликнул Готрек и постучал ещё раз для уверенности.

Он самодовольно кивнул головой.

— Я обнаружил проход, или моя маманя была троллем.

Феликс подумал, что не стал бы делать ставки, но оставил это при себе. Он наблюдал за Готреком, который опустил топорик и начал ощупывать кирпичную стену пальцами.

— Славно замаскировано, превосходная работа. Вероятно, гномья, так скажу. Неудивительно, что я не заметил ранее. Мерзавец, должно быть, заплатил команде гномов за прокладку этого узкого туннеля и взял с них клятву молчания. И если я не ошибаюсь, то тут должен быть...

Своими толстыми сильными пальцами он надавил на один из кирпичей. Тот ушёл в стену. Раздался тихий скрежет, как от сдвига отлично сбалансированного противовеса. Часть стены скользнула назад. Взору Феликса предстал небольшой тамбур с ведущей наверх металлической лестницей. Готрек повернулся и улыбнулся своим щербатым ртом. Он выглядел искренне довольным.

— Несомненно, отличная работа. Негодяй, стало быть, обогнал меня, свернул за угол и нырнул сюда. Неудивительно, что я его не нашёл. Мои глаза всё ещё жгло из-за газа.

— Не нужно извиняться, Готрек, — сказал Феликс.

— Я и не думал, человеческий отпрыск. Просто хотел...

— Мы собираемся стоять тут всю ночь, малыш Феликс, или ты полезешь наверх и поглядишь что к чему? — вмешался Руди.

— Я?

— Ну, это ведь была твоя идея.

Феликс заметил следы беспокойства на лице Руди. Здоровяка пугала перспектива незаконного проникновения в жилище столь важного гражданина.

«Неудивительно, — подумал Феликс, — он же стражник. Последний десяток лет он занимался ловлей преступников, а не являлся таковым».

— Ты сделаешь это, человеческий отпрыск, или мне идти?

Намерение Готрека подобраться к подъёму подтолкнуло Феликса к действию. Он запомнил слова Отто о рыцарях-храмовниках Белого Волка, которые могли нести караул наверху. Его не привлекала перспектива быть обнаруженным ими.

— Я сперва погляжу, — сказал он, — и дам тебе знать, если всё чисто.

Феликс задержал дыхание и бегло осмотрелся. Лестница заканчивалась в таком же маленьком помещении с единственной дверью. Та вела в огромный винный погреб.

Поглядев назад, Феликс увидел, что дверь приделана к винному стеллажу таким образом, что в закрытом виде была практически незаметна. Феликс проверил этикетку на одной из бутылок. Он сдул пыль, и стала заметна эмблема одного из лучших парравонских виноградников — Десгулле.

«Кое-кто имеет дорогостоящее пристрастие», — подумал он про себя. Феликс резко повернулся, схватившись за меч, когда услышал скрип на лестнице позади него. Голова Готрека высунулась из-за края дверного проёма.

— Не обмочись, человеческий отпрыск, это я, — заявил он.

За ним показался Руди.

— Так, давайте обследуем дом и поглядим, тут ли наш приятель, главный судья.

— Наверху тихо. Вроде бы никого нет.

— Будем надеяться на это.

— Я остаюсь здесь, — сказал Руди. — Буду прикрывать наш путь к отступлению.

Феликс пожал плечами. Будет только лучше, если здоровяк не будет путаться под ногами.

— Так и сделай.

Феликс осторожно проследовал к подножию лестницы, прикрыв отверстие своего фонаря таким образом, чтобы выходил лишь слабый отблеск света.

— Говорю тебе — дом пуст, — сказал Готрек.

«Похоже, гном прав, — согласился Феликс. — А где стража из Белых Волков? Где слуги?»

— Охрана, скорее всего, в сторожке у ворот. Но где же слуги? В подобном месте они должны быть.

— Полагаю, ты знаешь, о чём говоришь.

— Разумеется.

Феликс мягко поставил ногу на ступеньку. Дрожь пробежала по его позвоночнику, когда та скрипнула под его весом. Он остановился, задержав дыхание. Никто не появился поглядеть, в чём дело.

— Зачем ты соблюдаешь тишину, человеческий отпрыск? Нет тут никого.

— Не знаю. Может потому, что это не мой дом. Я ощущаю себя преступником. А ты почему шепчешь?

— Ты и есть преступник. Как и я. Давай обыщем это место и поглядим, что удастся найти. Ты поднимаешься, я иду позади.

Феликс обнаружил, что Готрек тоже передвигается скрытно, настолько же тихо, как он сам. Феликс двинулся вверх по ступеням, надеясь, что они не заскрипят.

В спальне Феликс полностью прикрыл отверстие фонаря, прежде чем проскользнуть за шторы и выглянуть наружу. Внизу находился большой огороженный внутренний двор, а за высокими стенами он мог видеть улицу. Во двор открывались большие ворота. С левой стороны находилась конюшня и сарай для карет, на правой стороне — небольшие казармы и комнаты прислуги. Площадь ограничивали старые дубы. Там находились часовые — высокие светловолосые мужчины при полном наборе доспехов, украшенных спадающими с плеч волчьими шкурами. Один двигался от сторожки у ворот через внутренний двор.

На мгновение Феликс испугался, что мужчина может войти внутрь, но тот вскоре повернул и направился в сторону небольших казарм за конюшнями. Феликс дал шторе медленно скользнуть на место, после чего позволил себе сделать вдох.

Нет, нельзя дать себя тут схватить. Белые Волки имели репутацию свирепых бойцов, подобных Истребителям, а тут их по меньшей мере полдюжины.

Когда он обнаружил запертую дверь, то самым напрашивающимся решением было вскрыть её. Он взломал её, используя в роли фомки лезвие своего короткого меча, и вошёл внутрь. Место, в котором он оказался, напомнило ему помещение с бухгалтерскими документами на складе отца в Альтдорфе.

Комната была просторной; господствующее положение занимал дубовый стол, достаточно огромный, чтобы за ним разместилась целая компания. Вдоль стен располагались ящики картотеки — сотни и сотни ящиков. Он наугад открыл один и вынул стопку бумаг, исписанных аккуратным почерком. Просматривая их, он наткнулся на имя графини и заметки, касающиеся некоторых наиболее известных её любовников. Там же был обширный раздел о расследовании по подозрению в мутациях в её семье. Было допрошено множество источников.

Внимание Феликса привлекли ссылки на „наш особо важный источник“ и „наши друзья снизу“. Он взял другую папку и просмотрел её. Там были похожие записи. В одной указывалось на необходимость устранения некоего Слацингера. Папки были размещены в алфавитном порядке. Он не смог отказаться от представившейся возможности и поискал досье на семью Ягеров. Отыскав одну, имеющую отношение к семье однофамильцев — кондитеров с Пирожной улицы, он со второй попытки нашёл папку на свою семью. Феликс ощутил тяжесть в желудке, когда дошёл до заметок о торговом доме „Ягер и сыновья“. В документах отмечалась благонадёжность его брата Отто и сообщалось, что он известная личность, щедро спонсирующая фонд курфюрста по поддержанию гражданского правопорядка. Перевернув страницу, он увидел упоминание своего имени и стал читать.

Войдя, Танкуоль сразу же обнаружил, что тайным проходом к фон Гальштадту кто-то воспользовался. Возле подножия лестницы в воздухе помещения ощущался незнакомый человеческий запах. Если точнее, запах нескольких человек, и, по-видимому, гнома.

Дурак-дурак! Он чертыхнулся, прикусив кончик своего хвоста. Мастер-шпион был обнаружен. Чтобы понять, кем именно, смышлёному Танкуолю даже не пришлось напрячь мозги. Ему оставалось убить двух человечешек и гнома.

Что ж, человечешки избавили его от заботы их отслеживать. Желание вмешаться в чужие дела приведёт их к гибели.

Он подозвал Костодёра и прочирикал ему инструкции. Лестница застонала под весом крысоогра. Тот быстро взобрался по ступенькам с проворством обезьяны.

Феликс потряс головой. Он назывался младшим сыном-транжирой, пропавшим при загадочных обстоятельствах. Была записка про его дуэль с Краснером, с небрежно набросанной карандашной пометкой о необходимости дополнительного расследования.

Да уж, скорее всего здесь есть вещи и похуже, чем о паршивой овечке в семействе Ягеров. Следовало бы показать это Готреку. Возможно, в папках есть и что-нибудь на Истребителя. Он как раз хотел посмотреть, когда услышал, что внизу открылась дверь.

«Какого чёрта», — подумал он, закрывая дверь комнаты.

Феликс стал ждать.

Фон Гальштадт сознавал, что опаздывает. Он надеялся, что скавен тоже опоздает. Он не желал произвести неправильное впечатление даже на скотину вроде скавена. Но Эммануэль завтра должна возвратиться, и ему хотелось, чтобы при дворе каждая мельчайшая деталь была безупречна.

Он представил улыбку, которой она вознаградит его за усердие, и решил, что все его усилия будут оправданы. И даже то, что он был вынужден затратить пятнадцать минут на наказание лакея за небрежность в размещении картин. От проведения порки судья вспотел и утомился, ему требовалось принять ванну.

Он поднял и зажёл домашний фонарь. Темнота отступила. Фон Гальштадт позвал слугу принести воды, но затем вспомнил, что на сегодняшнюю ночь всех отпустил, ожидая прихода скавена. Придётся отложить удовольствие помыться на потом. Вести от скавена намного важнее.

Прошлой ночью, перед отбытием, он был извещён, что его агенты близки к раскрытию весьма значительного заговора мутантов. Фон Гальштадт вынужден был признать, что намного более озабочен попыткой убийства стражей канализации. Он знал, что Хеф и Паук мертвы. Его соглядатаи доложили о пожаре на Дешёвой улице.

Это была замечательно проделанная работа по ликвидации двух предателей и полсотни отбросов общества впридачу. Если подумать, возможно, крысочеловек непреднамеренно способствовал решению ещё одной проблемы. Возможно, стоит устроить пожары в Новом Квартале. Это, безусловно, сократит количество поклоняющихся мутантам подонков, которые там обитают.

Мысль о том, чтобы спалить отбросы общества в их гниющей выгребной яме порока, согрела его сердце. Перепрыгивая через две ступеньки сразу, он помчался по коридору в свою картотечную комнату. Но у него похолодело на сердце, когда он увидел взломанную дверь. Судья пришёл в ярость. Кто-то осквернил его святая святых. В его жизни любимые папки по важности находились на втором месте после Эммануэль. Если кто-то повредил хотя бы

страницу...

Он вынул меч и открыл дверь, толкнув её ногой. В лицо ему посветил фонарь.

— Вечер добрый, фон Гальштадт, — проговорил вежливый голос. — Я думаю у нас с тобой есть кое-какие дела.

Когда глаза главного судьи привыкли к освещению, он узнал лицо молодого мужчины, которого видел недавно с Отто Ягером.

— Ты кто такой, молокосос? — поинтересовался он.

— Моё имя Феликс Ягер. Я тот, кто пришёл убить тебя.

* * *

Никогда раньше Руди не видел столько вина. В погребе оно было повсюду; старые бутылки покрывал толстый слой пыли и паутины, новые — только слабый налёт пыли. Их было настолько много, что он сомневался, в состоянии ли один человек всё это выпить. Разве что, по предположению Руди, у него бывает много гостей.

Что это был за шум? Наверное, показалось. Лучше прикинуться, что там ничего нет.

Всё пошло наперекосяк с тех пор, как они обнаружили крысочеловека в канализации. Пожалуй, нужно спрятаться. Но здесь не было такого места, куда он мог бы втиснуть своё крупное туловище.

Ему следует вернуться к лестнице и посмотреть. Он был уверен, что слышал скрип металлических ступеней. Да, нужно взглянуть.

Руди сглотнул и попытался заставить себя вернуться к скрытой нише. Его конечности повиновались неохотно, как будто из них ушла вся сила. Сердцебиение гулко отдавалось в его ушах. Он выдохся, словно только что пробежал милью.

Руди обнаружил, что затаил дыхание, и позволил себе глубокий вдох. В тишине звук вдоха казался ненормально громким. Хотел бы он, чтобы Готрек или даже этот молодой, самоуверенный сноб Феликс вернулись назад. Ему само по себе не нравилось торчание здесь, в подвале у могущественного аристократа, чьё богатство и влияние он лишь с трудом мог себе представить.

«Это же нелепо», — уверял он себя. Почти пятнадцать лет провёл он в канализационных коллекторах, охотясь во тьме на мутантов и чудищ, из мальчишки став мужчиной. Он не должен так пугаться. Да, но ситуация несколько отличалась. Тогда он был моложе и с ним были приятели и друзья — Гант, братья и другие, ныне умершие или ушедшие.

Последние несколько дней по-настоящему потрясли его. Крепкое основание его существования рассыпалось. Он одинок — ни жены, ни детей. Его оставшиеся друзья мертвы или пропали. И если прав юный Феликс, тот порядок, охранять который он поклялся, правители города, которых он дал обет защищать от всех врагов, сами были врагами. Жизнь более не имела смысла.

Погоди! Совершенно точно что-то передвигалось внутри ниши. Что-то тяжёлое по-тихому перелезло через край спускового колодца. Оно тут, в погребе.

— Кто здесь? — спросил Руди.

Его голос прозвучал тихо и непривычно. То был голос незнакомца. Мягкой пружинящей походкой что-то приближалось.

Его фонарь показал очертания, как только оно появилось в винном погребе. Оно было огромным, на голову выше него и, похоже, в два раза крупнее. Здоровые мышцы выпирали под его красноватой шкурой, длинные когти выскользнули из подушечек его пальцев. Его морда была сочетанием крысы и волка. Злобный холодный огонёк разума горел в его небольших розовых глазах-бусинах.

Руди поднял свою дубину, защищая себя, но оно одним скачком оказалось перед ним, невероятно быстро для такого большого создания. Боль вспыхнула в руке с оружием, когда огромный коготь вонзился в плоть запястья Руди. Он открыл рот и закричал. Руди посмотрел в розовые глаза смерти. Он ощутил на себе дыхание чудовища. Оно пахло кровью и свежим мясом.

* * *

— Не будь дураком, юноша, — проговорил Фриц фон Гальштадт.

Сказав это, он положил руку на рукоять своего длинного меча. Он был уверен в себе. Он превосходно владеет мечом, а у его противника всего лишь короткий колющий клинок.

— Один крик и тут появятся шесть рыцарей Белого Волка. Они вручат мне твою голову.

— Вероятно, их заинтересует тот факт, что ты водишь компанию со скавенами и хранишь запись о своих сделках с ними.

От слов Феликса фон Гальштадта холодком проняло до костей. Он не знал, в доме ли уже серый провидец или только прибудет. При таком раскладе он не мог рисковать, призывая рыцарей. Они, несомненно, противники мутантов, но с энтузиазмом разберутся и с кем-либо вроде скавена.

— Ты понятия не имеешь, о чём говоришь, парень! — возразил судья.

Его клинок описал полукруг, когда он выхватил его из ножен.

— Боюсь, что имею. Ты знаешь, что я недавно видел тебя в канализационных коллекторах. Видел собственными глазами. И едва поверил им, увидев тебя снова в „Золотом Молоте“.

Молодой человек держался уверенно. Бессмысленно ему объяснять, он должен умереть. Подходя ближе, фон Гальштадт опустил кончик клинка к полу. Он опустил плечи, своим видом якобы признавая поражение.

— Как ты узнал?

— Я страж канализации.

— Этого не может быть. Стражи канализации не обедают в „Золотом Молоте“. Только не в обществе Отто Яге...

Лишь только он проговорил эти слова, фон Гальштадта осенило. Феликс Ягер, Отто Ягер. Паршивая овца в семействе. Он знал, что стоило это расследовать.

— Чего тебе нужно, парень? Деньги? Повышение по службе? Я могу устроить всё это, но потребуется время.

Судья незаметно приблизился.

Юноша немного расслабился, видя, каким он сделался испуганным. Скоро настанет момент для атаки.

— Нет, я думаю, мне нужна твоя голова.

Феликс ещё говорил, когда фон Гальштадт с быстротой змеи ударил. К его удивлению, юноша парировал удар. Клинки встретились, сталь высекла искры. Феликс ногой ударил по голени фон Гальштадта. Ногу пронзила боль. Только он умудрился отпрыгнуть с дороги, как юноша ответил выпадом. Фон Гальштадт понимал, что нужно держать дистанцию, чтобы воспользоваться преимуществами длинного меча.

Они кружили и вертелись с расчётливостью мастеров, выискивая открытые места. Клинки вращались и блестели в отсветах двух фонарей. За их перемещением невозможно было уследить глазом, они танцевали со своими жизнями, выискивая слабинку в обороне противника. Фон Гальштадт издал возглас удовлетворения, обагив кровью руку Ягера. Он улыбался, нанеся опасный порез над глазом юноши.

Скоро кровь начала стекать, ослепляя Феликса. Теперь оба тяжело дышали. Но Фриц фон Гальштадт знал, что выиграет этот поединок. Он чувствовал это. На какое-то время он мог уйти в защиту. Его победа — всего лишь вопрос времени.

Танкуоль услышал шум наверху. Он звучал, как будто танцевали. Тяжёлые сапоги стучали по каменному полу. Хорошо-хорошо, это он удачно зашёл. Похоже, враги фон Гальштадта выследили того в логове и в настоящий момент пытаются убить.

В политике скавенов убийству принадлежала долгая и почётная история, и возможность дать ситуации развиваться своим чередом соблазняла Танкуоля. Его незначительная злоба на человечешку будет удовлетворена, если он позволит тому умереть. Удовлетворившись этой мыслью, он решил, что не может доставить себе такую радость. Слишком многое в его великом замысле может измениться.

Он пнул Костодёра. Крысоогр поднял свою окровавленную морду от остатков своей трапезы и зарычал на него. Танкуоль смотрел на него, заставляя своего раба почувствовать его волю. Крысоогр медленно поднялся. Он полез вверх по лестнице из погреба в направлении сражения.

По прошествии времени Феликс был вынужден признать, что всё происходящее, возможно, было не лучшей идеей. Не следовало по-молодости так увлекаться спектаклями Детлефа Зирка. Ему всегда хотелось поучаствовать в одной из таких мелодраматических сцен, где герой противостоит злокозненному негодяю.

К сожалению, события развивались не совсем как в пьесе. Это была история его жизни. Руки горели от усталости, и причиняла боль нанесённая фон Гальштадтом рана. Он резко дёрнул головой в сторону, смахивая текущую по лбу кровь, что было рискованным движением перед лицом столь искусного мечника, как его противник.

Красные капли забрызгали крышку стола. Феликса успокоило, что фон Гальштадт не был достаточно проворен, чтобы воспользоваться преимуществом того, что Феликс открылся.

Дыхание Феликса стало учащённым и затруднённым. Оно звучало, как мычание. Боль влияла на плавность его движений.

Длинный меч фон Гальштадта, казалось бы, был повсюду. Вся разница была в мече. Феликс верил, что если бы их клинки были одинаковой длины, он бы уже превзошёл аристократа. Но они разные, и это будет стоить ему жизни.

— Быстро-быстро! — Танкуоль приказал Костодёру, когда они подбежали к нижней ступеньке.

Бой наверху продолжался, но сейчас он решил не испытывать судьбу и спасти свою марионетку. Несчастный случай на этом этапе был бы крайне нежелателен. Костодёр издал короткий стон и остановился настолько внезапно, что бежавший Танкуоль врезался ему в спину и отскочил. Его морда ощутимо болела. Серый провидец выглянул из-за спины своего любимца. Он увидел, почему остановился Костодёр.

Там стоял гном, закрывая проход. Он был широким, на его шкуре выделялся странный хохол. В одной руке он держал огромный боевой топор. Было похоже, что он также бежал вверх, чтобы вмешаться в идущий там бой. И похоже, он тоже изумлён, обнаружив в доме кого-то ещё.

— Чёртовы дворцы, — проворчал он. — Никогда не знаешь, кто тут может встретиться.

— Умри-умри, глупый гномишка, — прочирикал Танкуоль. — Костодёр! Убить! Убить!

Костодёр дёрнулся вперёд, выставив когти. Он навис над гномом, как ужасное демоническое видение, живое воплощение зловещего воображения магов-учёных клана Творцов. Танкуоля бы не удивило, парализуй гнома от страха при виде Костодёра, как и многих до него.

— Попробуй-ка вот это, — сказал гном.

Повсюду разлетелись мозги, когда топор разрубил голову Костодёра пополам. Танкуоль оказался напротив разгневанного гнома.

Выпрыснув мускус страха, он полез в свой мешок за оружием. Потом, решив, что осторожность лучше бесстрашия, он развернулся и поспешно сбежал. К его облегчению, гном не стал преследовать, а побежал вверх по лестнице. Танкуоль направился в канализационные коллекторы, клятвенно обещая, что заставит гнома заплатить, даже если это займёт всю его оставшуюся жизнь.

Оба мужчины услышали шум снизу. Он прозвучал так, словно огромное дерево пало на землю. Феликс заметил, что глаза фон Гальштадта стрельнули в сторону окна. Он понял, что это его единственный шанс. Отбросив осторожность, он поднырнул к дворянину, практически не защищаясь. Мгновенно он почувствовал, как клинок фон Гальштадта задел его в грудь. Но отвлечения внимания на долю секунды оказалось достаточно. Противник запоздал изменить положение клинка. Феликс уже был в пределах досягаемости. В свою очередь он нанёс удар, и его короткий меч пронзил живот фон Гальштадта под рёбрами и попал в сердце. Издав булькающий звук, главный судья умер. Феликс рухнул, потеряв сознание от боли.

— Очнись, человеческий отпрыск. Нет времени тут отлёживаться.

Феликс почувствовал брызги воды на своём лице. Он закашлялся, отряхнулся и затряс головой.

— Что случи...

— Нам лучше свалить отсюда, пока не подросли Белые Волки.

— Оставь меня.

Феликсу захотелось просто лежать тут.

— Иди и дерись с ними. Ты всегда хотел погибнуть героически.

Готрек шаркнул ногой, он выглядел смущённым.

— Я не могу, человеческий отпрыск. Я — Истребитель. Я обязан умереть с честью. Если нас сейчас поймут, народ может подумать, что мы совершили кражу со взломом.

— Ну и что?

— Воровство — это позор. А я пытаюсь загладить своё собственное бесчестье.

— Я могу представить ещё худшее преступление, например, утопление умирающего.

— Ты не умираешь, человеческий отпрыск. Это всего лишь царапина.

— Ладно, если уж так нужно.

Феликс поднялся на ноги. Он посмотрел на папки. Ему пришло на ум, что при правильном подходе эта информация может принести целое состояние. Даже небольшая её выборка была бесценна — бесконечная возможность шантажа и вымогательства.

Он поглядел на Истребителя и припомнил, что тот говорил о воровстве. Готрек не смирился с тем, что он возьмёт бумаги. Но даже если бы было возможно, Феликс не стал бы брать их. Они прокляты, это дело жизни маньяка вроде фон Гальштейна. То, что содержится в этих документах, способно разрушать человеческие жизни. В Нульне и так слишком много тайн. Слишком уж много власти, чтобы попасть в чьи-либо руки. Он взял фонарь и маслом из него полил шкафы с папками. А потом поджёг.

Сбегая вниз по лестнице и обоняя запах горячей бумаги, Феликс, как ни странно, почувствовал себя свободно. Он осознал, что после всего случившегося не станет работать с Отто, что его необыкновенно порадовало.

<http://tl.rulate.ru/book/2491/47002>